

Памяти Екатерины Владимировны Дубро посвящается

Майя
ТУРАЛИНА,
председатель
Фонда Дубро»

Уже семь лет минуло, как покинула этот бушующий мир Екатерина Дубро – самобытная профессиональная писательница СССР с 1985 года, автор 15 книг, 7 из которых изданы посмертно, 16-я находится в производстве; Почетный гражданин города.

Но с нами ее изданные книги, ее рукописное и машинописное наследие; ее личная переписка с людьми разных возрастов и профессий, разных по социальному статусу – за период с осени 1962 по март 2008 г. объемом в шесть с половиной тысяч стр.; с нами ее музей-квартира с личной богатой библиотекой, литературно-художественными и научно-популярными «толстыми» журналами с 1970 по 1993 годы, а также многим другим, с чем жила, училась, трудилась она с 1963 по первое апреля 2008 года в квартире № 3 дома № 10 на улице Московской в нашем городе с загадочным названием Юрга.

ОСЕНИНЫ (из отдельных глав будущей повести)

Екатерина ДУБРО

Мне – 39 лет, сороковой отныне. Сороковины жизни. Я и родилась осенью, 19 октября.

Первый день рождения без мамы... Утром заплакала между делами: перестилала простыню, коту на весь

день еды-питья выставила, воду под кофе вскипятила, пол возле кровати подтерла.

Прежде мои дни рождения проходили людно и празднично-суетно, едва дотягивала до ночи и на следующий день болела в лёжку. В будничные дни гости обычно приходили вечером, к ужину, и мы никогда не знали, сколько их будет, потому что не приглашали: кто сам вспомнит, сам захочет, те и придут. Но обычно они сами, за столом, договаривались: встретиться в этот день в этом же составе через год. Действительно, и которых я видела только в этот день – 19 октября.

В те годы я тоже присутствовала за столом, точнее – у двери в свою комнату, в кресле-коляске; есть и чай пить за столом не могла же – только в постели. Просто надо было высиживать-вытерпеть – в новом платье, в туфельках, не усталой и бодрой, а уж заболеть, когда одна останусь.

Наконец, перестала присутствовать у стола – оставалась в постели, в своей комнате, когда была утрачена возможность пересаживаться в кресло-коляску.

Без мамы же я к этому дню подвигалась с содроганием в душе: миновать бы его вовсе, переслать – чтобы сразу 20 октября. Не хотела, не хотела этого дня без мамы. Ещё и дышалось совсем неважно: сердце стало колотиться в другом режиме, и жить мы с ним стали в этом месяце на лекарствах.

...Теперь хоть что пиши и делай –
В окне закат осиротелый.
В окне пустое небо стынёт,
А я живу.
А телефон не зазвонит.
И сколько это будет длиться?
И зачем?

Нынешний день рождения выглядел во всём иначе, не по-прежнему. Ну, естественно: жизнь другая.

Из прежних многочисленных поздравителей в нашем городе нынче вспомнили только мои «прихожане»: двоюродный брат Лёня позвонил. Его жена Тоня была накануне, я говорила ей, что не хочу этого дня, что и было ими деликатно учтено. Ну, и Галина Васильевна – краснокрестинская медсестра, и Таня – наёмная молодая женщина по выполнению моих поручений.

Телефон, однако, звонил: из Кемерово трижды, из Москвы, из Новосибирска, из Первоуральска (моя учительница Раиса Николаевна Петрова), а ночью звонок из Ферганы. И местный звонок: тоже моя учительница Зинаида Григорьевна Ушакова.

И гости: Оля Шевцова из Томска, специально приехала; Любовь Скорик из Кемерово – сразу от многих. Она так поздравляла: вносила из другой комнаты подарки – и говорила:

– Представь, что входят к тебе наши издательские работники и поздравляют. – Выходила и возвращалась: – А теперь, Катенька, тебя приветствуют все наши писатели. – Опять вышла и вернулась: – А сейчас поздравляю тебя. – И ещё раз: – А это, Катенька, тебя угощает моя старенькая мама.

Прежде моя комната 19 октября превращалась в оранжерею – столько цветов приносили. Нынче цветы прибыли из Кемерово, моего родного издательства. Впервые увиде-

ла такие крупные роскошные белые хризантемы. Долго-долго не увядали на моём подоконнике.

На большой двойной открытке с душевно-деловым текстом – всегда готовы издавать! – расписалось много сотрудников Кемеровского книжного издательства. А «братья-писатели» тоже написали: «Мы тебя любим».

И ещё один гость – человек в командировке. Об этом дне знали, возможно, подгадал эту командировку. Из далёкого Ленинграда.

Чем и был согрет, освещён этот мой первый день рождения без мамы.

Уходить, скрываться, прятаться – на бумаге или во сне: такое спасение моё всегдашнее, такое жалкое, ненадёжное, отчаянное. И сейчас. Не просто пишу – спасаюсь. Не спать ложусь, но ухожу, бегу отсюда, где нет в живых мамы. Засыпаю – и вновь, и вновь, иногда по трижды еженощно вижусь с ней, вижусь с отцом. Какими бы душевно тяжкими ни были иные встречи (потому что там бесконечно страдают они, мои доро-

гие, болят, умирают, а я бысьеazole, выхаживаю, а спасти не умею) – всё равно там, во сне, мы вместе. И утром поднимаюсь жить дальше, зная, что до следующей ночи, до следующей встречи.

Если не вытяну на осеннюю зрелость размышлений, остаётся второй смысл названия: осенины возраста.

С чем снег встречу? Да и до снега дожито. Только пока ещё стает, поддается солнышку. В октябре тоже так. Пока ещё с солнышком. Правда, с вечерним, закатным.

Окно моё – западное, вечернее. Закатные настроения печальны, скорбны даже, но – неизбежны, но лишь частью всякого жизненного дня. Поэтому приемлются, переживаются-проживаются естественно. Как любая погода.

Осенью ветра перелистывают деревья, срывают листву – до очередного обновления.

Человеку тоже необходимо время от времени перелистывать свою жизнь,

благо все его деревья – и облетевшие, и облиственные, и едва только принявшие – сохранены: пока жив сам.

Листаю свои дневники, записные книжки, вспоминаю, думаю. Живые листья выискиваю?..

В образе дерева мне взаправду увиделось жизненное сходство с моим бытованием. И это помогло самоосознанию – своего места в жизни, своего назначения. Нечаянно или закономерно. Деревья вижу из окна. Стало быть, общаюсь с ними, и чаще, чем с кем-либо. Они и я неизменно на своих местах. Пока их не спилят, а меня...

Назначение земного дерева – в чём? Очищать воздух, укреплять почву, осенять тенью. Где посеяно ветром или посажено человеком. И всюду оно беззащитно – перед стихиями природы, животными, людьми. Противостоят всем этим, вкупе, силам – и помогать жизни, насколько само жизнестойко. Там, где выпало произрастать.

Что доступно неподвижному, физически беспомощному человеку? Научиться у дерева терпению – во всех соприкосновениях с другими, кто бы ни подошёл, людьми и во всякую погоду, то бишь при любых житейских обстоятельствах. Научиться выдерживать стужу и засуху, и солнцу радоваться деятельно – как зеленеет дерево. Научиться жить самыми скудными, внешне, средствами – зато ведь под вечным солнцем, на вечной земле.

Человеку в любом физическом состоянии доступно научиться верно и чисто отвечать окружающей его жизни. Учусь.

Осень 1986 года.

На снимках: Екатерина Дубро; Катя с мамой, сентябрь 1984 г.